

Научная статья
УДК 93/94

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-5-1316-1328>

Причины эмиграции граждан стран Центрально-Восточной Европы и Балтии в Великобританию (1990–2004 гг.)

Артем Владимирович БОБЕШКО^{1,2}

¹ФКОУ ВО «Пермский институт Федеральной службы исполнения и наказаний»

614012, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Карпинского, 125

²ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

355017, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

artem.bobeshko@yandex.ru

Актуальность. В последние годы в историографии, средствах массовой информации, среди представителей политической элиты отмечен рост интереса к причинам Брексита, приведшего к выходу Великобритании из Европейского Союза. В данном контексте особое значение имеет исследование эмиграции в Великобританию граждан стран Центрально-Восточной Европы и Балтии, способствовавшей росту в Соединенном Королевстве анти-эмигрантских настроений. Важное место в изучении проблем эмиграции занимает анализ причин эмиграции и ее восприятия гражданами стран региона.

Методы исследования. Использован историко-генетический метод, позволивший рассмотреть эмиграцию в динамике, раскрыть ее причины, основные характеристики миграционных потоков и восприятие этого процесса различными социальными группами.

Результаты исследования. Распад социалистической системы в странах Центрально-Восточной Европы и Балтии потребовал от новых правительств разрушения плановой социалистической экономики и создания новых принципов организации народного хозяйства. Его либерализация и интеграция в мировую экономику привели на первых порах к спаду ВВП, инфляции, структурным изменениям на рынке труда и росту безработицы, особенно в сложной ситуации оказалась молодежь. Разрыв в уровне и качестве жизни между государствами Западной Европы и Центрально-Восточной Европы и Балтии делал отъезд восточноевропейцев в Великобританию привлекательным. Большинство потенциальных эмигрантов согласно социологическим опросам и аналитическим исследованиям, в том числе комиссии К. Дастмана рассматривало в качестве стратегии поведения кратковременную эмиграцию.

Выводы. Трудности перехода стран Центрально-Восточной Европы и Балтии к рыночной экономике привели к росту миграционных настроений среди их граждан. Основной причиной эмиграции из Центрально-Восточной Европы и Балтии в Великобританию, а также в другие государства Западной Европы становятся экономические причины, политический фактор во всех странах региона не играл существенной роли.

Ключевые слова: эмиграция, мигранты, Великобритания, К. Дастман, Европейский союз, экономический кризис, инфляция

Для цитирования: Бобешко А.В. Причины эмиграции граждан стран Центрально-Восточной Европы и Балтии в Великобританию (1990–2004 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 5. С. 1316–1328. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-5-1316-1328>

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-5-1316-1328>

Causes of Central-Eastern European and Baltic Countries Citizens Emigration to Great Britain (1990–2004)

Artem V. BOBESHKO^{1,2}

¹The Perm Institute of the FPS of Russia
125 Karpinskogo St., Perm, 614012, Russian Federation

²North Caucasus Federal University
1 Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation
artem.bobeshko@yandex.ru

Importance. In recent years, historiography, mass media, and representatives of the political elite show a growing interest in the causes of Brexit, which led to Britain's withdrawal from the European Union. In this context, research into the Central-Eastern European and Baltic Countries Citizens Emigration to Great Britain, which contributed to the growth of anti-emigrant sentiment in the United Kingdom, is of particular importance. An important place in the study of emigration problems is occupied by analyzing the reasons for emigration and its perception by citizens of the region countries

Research Methods. The historical and genetic method is used, which allowed to consider emigration in dynamics, reveal its causes, the main characteristics of migration flows and the perception of this process by different social groups.

Results and Discussion. The socialist system collapse in Central-Eastern Europe and the Baltic States required the new governments to destroy the planned socialist economy and create new national economy organization principles. Its liberalization and integration into the world economy led at first to a decline in Gross Domestic Product, inflation, structural changes in the labor market and an increase in unemployment, especially in the difficult situation of young people. The gap in the level and quality of life between the Western Europe and Central-Eastern Europe and the Baltic states made the Eastern Europeans departure to the Great Britain attractive. Most potential emigrants according to sociological surveys and analytical research, including the commission of K. Dastman considered short-term emigration as a behavioral strategy.

Conclusions. Difficulties in the Central-Eastern Europe and the Baltic States transition to a market economy result to an increase in migration attitudes among citizens. The main reason for emigration from Central-Eastern Europe and the Baltic states to Great Britain, as well as to other Western European countries, is economic reasons; the political factor did not play a significant role in all region countries.

Keywords: emigration, migrants, Great Britain, K. Dastman, European Union, economic crisis, inflation

For citation: Bobeshko, A.V. (2023). Causes of Central-Eastern European and Baltic Countries Citizens Emigration to Great Britain (1990–2004). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 5, pp. 1316–1328. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-5-1316-1328>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Миграционные проблемы в современной Европе вызывают пристальное внимание научного сообщества и политического истеблишмента. Более того, они оказывают значительное влияние на внутривнутриполитическую жизнь государств Европейского союза и их внешнюю политику. В научной литературе и общественно-политическом дискурсе на первых ролях стоят проблемы эмиграции жителей стран Ближнего Востока и Северной Африки в ЕС. Однако эмиграционная ситуация в Великобритании имеет существенную специфику. С вступлением государств Центрально-Восточной Европы и Балтии в ЕС в 2004 г. отмечается массовый приток мигрантов из этих государств в Соединенное Королевство. Распад системы социализма и сложные экономические реформы привели к временному ухудшению положения в странах Центрально-Восточной Европы и Балтии. Инфляция, безработица, диспропорции на рынке труда, падение реального уровня жизни, мобильность и знание английского языка значительной частью жителей региона способствовали их эмиграции в государства ЕС, в том числе в Великобританию.

В отличие от большинства стран ЕС, в том числе Германии, правительство Э. Блэра не стало создавать ограничения для притока мигрантов из данного региона, рассчитывая на привлечение высококвалифицированной рабочей силы, способной оживить экономику страны [1]. Реальные масштабы эмиграции жителей стран Центрально-Восточной Европы и Балтии превзошли все оценки экспертов, в том числе комиссии К. Дагмана, созданной по инициативе Э. Блэра. В результате внутри британского общества разворачивается дискуссия о последствиях эмиграции из данных государств, приведшая в конечном итоге к падению правительства лейбористов, а в стратегическом отношении – к Брекситу.

В зарубежной историографии Д. Бланчфлауэр и Х. Лоутон на основе анализа социологических опросов в 2004–2007 гг. исследовали причины эмиграции восточноев-

ропейцев в Великобританию, прогнозируя сохранение значительного потока эмигрантов из региона в страну и в дальнейшем¹. Причины эмиграции из Центрально-Восточной Европы и Прибалтики и ее региональные аспекты на примере Шотландии рассматривали Б. Йенч, П. Лима, Б. Макдональд [2].

В отечественной историографии тема эмиграции граждан стран Центрально-Восточной Европы и Балтии не нашла достойного отражения. Имеющиеся работы в основном затрагивают миграционную политику государств региона в общем контексте их интеграции в ЕС. По мнению А.С. Четвериковой, перекосы в экономике стран Вишеградской группы создают нестабильность на рынке труда, способствуя внешней эмиграции их граждан [3; 4]. Причина миграции поляков в Великобританию и ее динамика нашли отражение в работе Т.С. Кондратьевой [5].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе работы над темой использовался историко-генетический метод, позволивший рассмотреть миграцию в динамике, раскрыть ее причины, основные характеристики миграционных потоков и восприятие этого процесса различными социальными и политическими группами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Следует отметить, что после начала проведения радикальных реформ в странах Центрально-Восточной Европы и Балтии их экономика столкнулась со значительными проблемами. В 1990–1994 гг. в большинстве государств региона отмечалось падение производства, связанное с демонтажем административно-командной системы, приватизацией и либерализацией ценообразования. Значительное количество промышленных флагма-

¹ Blanchflower D.G., Lawton H. The Impact of the Recent Expansion of the EU on the UK Labour Market. 2008. September. № 3695. 36 p. URL: <https://docs.iza.org/dp3695.pdf> (accessed: 09.06.2023).

нов социалистической индустрии прекращают свою деятельность или переживают сложный процесс реструктуризации.

Однако чем раньше государство начинало проводить болезненные реформы, тем быстрее они начинали давать экономический эффект. Раньше всех экономический рост начался в Польше в 1992 г. (+2,6 %), с 1993 г. – в Чехии (+0,6 %), с 1994 г. – в Словакии (+4,9 %) и Венгрии (+2,9 %) [6, с. 15-16]. В 1999 г. ВВП Польши составил 121,8 % от уровня 1989 г., Словакии – 101,7 %, Чехии – 95,3 %, Венгрии – 90,4 %. Польша (122,4 %) и Венгрия (113,9 %) к 1999 г. восстановили свой промышленный потенциал. В этот год у Чехии (76,9 %) и Словакии (76,4 %) данные показатели не были столь успешными [7, с. 42]. К 2003 г. все государства превзошли базовые экономические показатели 1989 г. Стабильный рост экономики привел к сокращению отставания государств А8 от государств ЕС. Так, если в 2000 г. объем ВВП на душу населения Чехии составлял 69 % от среднего показателя по ЕС, то в 2003 г. он достиг 74 %, Венгрии – 56 и 64 %, Словакии – 50 и 56 %, Эстонии – 45 и 55 % и т. д. [8].

Особенно болезненно проходили экономические реформы в Прибалтике. В Латвии, по сути, происходила деиндустриализация. Закрывались флагманы латвийской индустрии и СССР заводы РАФ и ВЭФ. Традиционно в экономике страны важное место занимала рыбная промышленность, но и она оказалась в сложной ситуации, так как был потерян огромный рынок сбыта в лице СССР. В 1991 г. ВВП страны сократился на 12,6 %, в 1992 г. – на 33,1 % и в 1993 г. – на 11,4 %². Новая элита Латвии взяла курс на развитие в стране банковского сектора и транспортной логистики. Однако кризис 2008–2009 гг. показал уязвимость такой модели развития экономики. В Литве процесс приватизации и либерализации экономиче-

ской деятельности не привел к столь тяжелым последствиям для ее промышленности. Стране удалось сохранить большинство предприятий машиностроения, химической промышленности, нефтеперерабатывающей промышленности. Относительно благоприятно пережила сложные реформы Эстония благодаря мощной финансовой помощи Запада и получения 100 млн долларов, замороженных в западных банках в 1940 г. эстонских резервов [9, с. 178].

В начале XXI века отмечалось оживление экономической деятельности в странах Балтии. Первой на уровень 1989 г. вышла Эстония в 2001 г., а в 2008 г. ее ВВП составил 157 % от уровня 1989 г. В 2008 г. показатель Латвии составил 115 %, а Литвы – 111 % [10, с. 33-34]. К 2004 г. ВВП стран Балтии на душу населения возрос по сравнению с 2001 г. Так, в Латвии он составил 10,3 тыс. евро, в Литве – 11,0 тыс. евро, а в Эстонии – 12,2 тыс. евро. Однако они все равно отставали от среднего показателя по ЕС [11, с. 67]. В 2008–2009 гг. страны Балтии столкнулись с новым обвалом в экономике. В кризисный 2009 г. ВВП Латвии упал на 18 %. В 2010 г. он достиг 90 % от уровня ВВП страны в 1989–1990 гг.³. Очередной экономический рост начался только с 2011 г. Этот фактор не мог сказаться на базовых экономических показателях стран Балтии. В 2018 г. их ВВП на душу населения значительно увеличился, составив в Эстонии 25,1 тыс. евро, в Литве – 24,9 тыс. евро, в Латвии – 21,7 тыс. евро [11, с. 67]. Средний показатель по ЕС достиг 30,9 тыс. евро.

Экономический кризис 2008–2009 гг. затронул все государства Центрально-Восточной Европы. В меньшей степени от него пострадала Польша. Несмотря на все сложности, страны Центрально-Восточной Европы постепенно сокращали свое отставание от других государств ЕС. Так, если в 2004 г. ВВП Польши на душу населения составлял 49 % от среднего показателя по ЕС, то в 2018 г. – уже 71 %, Венгрии – 60 и 70 %, Сло-

² Di Simone A. Vent'anni e non sentirli: i paesi baltici dopo il crollo dell'Urss // Limes – Rivista Italiana di geopolitica. 2011. Dicembre 19. URL: <https://www.limesonline.com/ventanni-e-non-sentirli-i-paesi-baltici-dopo-il-crollo-dellurss/30500> (data di accesso: 03.09.2021).

³ Ibid.

вакии – 52 и 78 %, Чехии – 71 и 90 %⁴. Большую роль в развитии народного хозяйства стран А8 играли финансовые вливания ЕС и инвестиции государств Союза. Экономика государств А8 приобрела новые черты. Она в значительной части начала зависеть от экспорта товаров и услуг, и прежде всего, в другие страны ЕС. Позитивные процессы в экономике привели к резкому снижению инфляции, что не могло сказаться на инвестиционной привлекательности этих государств и повышении уровня жизни населения.

Сложные структурные изменения в народном хозяйстве стран Центрально-Восточной Европы и Балтии после 1989 г. затронули структуру рынка труда, сформированную в эпоху социализма. Они привели к перемещению рабочей силы в рамках секторов народного хозяйства, особенно ее прирост отмечался в сфере услуг. Менялась география размещения трудоспособного населения. В результате во всех государствах Центрально-Восточной Европы и Балтии был отмечен рост безработицы. В 1993 г. в числе безработных оказалось 16,4 % экономически активного населения Польши, 14,4 % Словакии, 12,1 % Венгрии и 3,5 % Чехии. К 1999 г. эти показатели по странам составили 12,8, 18,2, 9,6 и 9,4 % соответственно [12, с. 255]. Чешская специфика в динамике численности безработных объяснялась медленным процессом реструктуризации крупных государственных предприятий и поглощением значительного количества безработных теневой экономикой. Кроме этого, в Чехии из сферы занятости вытеснялись пенсионеры, но при этом они получали более высокие пенсии в сравнении с соседними государствами.

В государствах региона к началу 2000 гг. безработица приобрела хронический характер. Она имела некоторые специфические черты. В 90-е гг. упала рыночная стоимость рабочей силы в регионе, и особенно стоимость низкоквалифицированной рабочей силы, в группу риска, с точки зрения обеспечения рабочими местами, попала молодежь и

женщины. Возникла проблема невозможности устройства на работу по специальности, особенно данная проблема касалась людей с высшим образованием. Усугубилась региональная специфика на рынке труда стран региона. В частности, в Польше в 90-е гг. в небольших городах на одно рабочее место претендовало 19 безработных, а в крупных городах – 1,5 человек. В результате в Сувалках безработными являлись 21,2 % экономически активного населения, в Слупске – 20,5 %, а в Варшаве – 2,7 %, в Кракове – 4,4 %. В Венгрии, в столице, в числе безработных находилось 4,9 % экономически активного населения, а в регионе Соболч-Сатмар-Берег – 20 % [12, с. 226]. В Праге этот показатель составлял 1,5 %, а в Мосте – 15,2 %. В Словакии безработица особенно затронула восточные районы страны.

После вступления в ЕС ситуация на рынке труда государств Вишеградской группы значительно улучшилась. На момент вступления в Союз в 2004 г. безработица в Польше достигала 19,0 %, в Словакии – 18,2 %, Чехии – 8,3 % и в Венгрии – 6,1 % при среднем показателе по ЕС 9,0 %. В 2018 г. данные государства демонстрировали диаметрально противоположную картину. Уровень безработицы в Чехии снизился до 2,2 %, в Венгрии – до 3,7 %, Польше – 3,9 % и Словакии – 6,5 %⁵. Резкое снижение численности безработных в государствах А8 отчасти объяснялся оттоком населения за пределы страны, и прежде всего, этот фактор проявлялся в Польше и Литве, но улучшение ситуации в народном хозяйстве стало основным драйвером развития занятости в государствах А8.

Сложная ситуация с безработицей складывалась в государствах Балтии. В Литве в 1994 г. она составляла 5,4 %, а в 2002 г. – 12,5 % [13, с. 76]. К 2008 г. безработица сократилась до 5,8 %, а после кризиса, к 2010 г., достигла 17,8 %. В 2016 г. безработица в стране сократилась до 7,9 %.

В Латвии в 2004 г. в разряд безработных попало 11,7 % трудоспособного населения, в

⁴ Eurostat Database. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed: 03.07.2019).

⁵ Ibid.

2010 г. этот показатель возрос до 16,3 %, а к 2016 г. упал до 9,6 %. В Эстонии эта цифра составляла 10,1, 16,7, 6,8 % соответственно. Примечательно, что в 2016 г. Эстония и Литва дали процент безработных ниже, в сравнении со средним показателем по ЕС (8,6 %) [11, с. 69]. Следует отметить, что среди русскоязычных жителей Латвии и Эстонии безработица была выше, чем у представителей титульной нации, так как значительное их число трудилось на флагманах советской индустрии.

Примечательно, что среди молодежи количество безработных с 2008 г. по 2010 г. возросло с 13,1 до 37,5 % [13, с. 80]. В 2004 г. в Латвии безработица среди молодежи достигала 20 %, в Эстонии – 23,9 %, в среднем по ЕС – 18,9 %. В 2010 г. в Латвии этот показатель вырос до 36,2 %, в Эстонии – до 32,9 %, в среднем по ЕС – до 21,3 %. В 2016 г. все государства Балтии имели уровень безработицы ниже среди молодежи, чем в среднем по ЕС (18,7 %): Латвия – 17,3 %, Литва – 14,5 %, Эстония – 13,4 % [11, с. 69].

В странах Центрально-Восточной Европы и Балтии не было прямого перекоса безработицы в сторону женщин. В 2001 г. только в Польше и Чехии процент безработных женщин превышал данный показатель у мужчин. В то же время фиксировались случаи дискриминации женщин с учетом их внешнего вида, возраста, наличия детей. Многие из них переходили на низкооплачиваемую работу или уходили в теневой бизнес. Зачастую их заработная плата не могла служить существенным источником пополнения семейного бюджета⁶. В 1999 г. самый высокий процент женщин, занятых трудовой деятельностью, среди стран Центрально-Во-

сточной Европы и Балтии отмечался в Латвии – 77,4 %, а самый низкий в Венгрии – 52,3 %⁷. О серьезности ситуации говорило увеличение во всех государствах региона количества разводов в 90-е гг., даже там, где были сильны позиции католической церкви или традиций аграрного общества. Число разводов на 100 браков в Чехии увеличилось с 38,6 в 1989 г. до 56,2 в 1997 г.; в Венгрии – с 37,3 до 53,0; Словакии – с 22,7 до 37,7; в Польше – с 18,5 до 20,8⁸. Все больше детей в странах региона рождалось вне брака.

Несмотря на все изменения на рынке труда в государствах региона, в них продолжалось сказываться наследие предыдущего социалистического этапа развития экономики, а также их место в международном разделении труда. В сравнении с другими странами ЕС, в государствах Вишеградской группы по-прежнему значительная часть трудоспособного населения была занята в промышленности. В 2018 г. в ЕС в промышленности в среднем было занято 23,9 % трудоспособного населения. В Чехии этот показатель достигал 37,4 %, в Словакии – 36,9 %, в Польше – 31,5 %, и в Венгрии – 31,3 %. За время членства в ЕС страны Вишеградской группы не смогли существенно снизить этот показатель. Исключением стала Венгрия, которой удалось снизить удельный вес занятых в промышленности на 1,5 %. Во всех государствах Вишеградской группы отмечался рост численности занятых в сфере услуг, но им не удалось достичь среднего показателя по ЕС [14, с. 108]. В 2018 г. в Венгрии этот показатель составлял 63,7 %, в Словакии – 60,3 %, в Чехии – 59,4 %, и в Польше – 58,4 % при среднем показателе по ЕС 71,9 % [4, с. 65]. В Польше и Венгрии значительная часть трудоспособного населения была занята в сельском хозяйстве, превышая показатели ЕС. Чехия и Словакия, наоборот, смогли в два раза снизить этот показатель и выйти на уровень развитых европейских государств.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Женщины в переходный период. Проект МОНЕЕ. Отчет о региональном мониторинге. М.: Юнисеф, 1999. С. 145, 152–153.

В 1990–1995 гг. произошло падение реальной заработной платы в странах Центрально-Восточной Европы и Балтии. Наибольшее сокращение отмечалось в Польше – 66 % от уровня 1989 г., наименьшее в Венгрии – 96 %. С 1995 г. в Польше, Словакии и Чехии происходил постепенный рост уровня заработной платы. В Венгрии данный процесс начался только с 1997 г. [12, с. 250]. Поэтому реальная заработная плата в Венгрии в 1999 г. составляла 79 % от уровня 1989 г., в Словакии – 86,1 %, Латвии – 65 %, Литве – 47,8 %, Эстонии – 63,2 %. Только в Польше она превышала показатели 1989 г., составив 109,9 %, и в Чехии – 107,1 %⁹.

В Центрально-Восточной Европе и Балтии население испытывало завышенные социальные ожидания от перехода к рыночной экономике. Оно надеялось в короткие сроки приблизиться к стандартам жизни в государствах Западной Европы. Эти ожидания поддерживались многими политическими партиями и СМИ. Однако им не было суждено сбыться, что привело к разочарованию в обществе. До 2003 г. рост заработной платы и других видов доходов в регионе в значительной мере нивелировался высокими темпами инфляции, что способствовало росту цен и различных платежей. Так, весной 2003 г. во всех странах Балтии отмечался резкий скачок цен [15, с. 146].

Размеры заработной платы напрямую влияли на уровень жизни населения. В результате значительная часть жителей стран А8 оказалась в группе риска, когда семьи проживали за чертой бедности или находились на ее грани. В 2005 г. в Латвии 46,38 % граждан попала в эту категорию, в Литве – 41 %, в Эстонии – 25,9 %, в 2007 г. их численность сократилась до 35,1, 28,7 и 22 % соответственно. Однако экономический кризис 2008–2009 гг. вновь обострил данную проблему в странах Балтии. В 2009 г. в Латвии этот показатель увеличился до 37,9 %, в Литве – до 29,6 % и Эстонии – до 23,4 % [16, с. 16].

⁹ Политика поддержки семьи в Центральной и Восточной Европе... С. 12.

Показателем роста бедности населения являлся процент доходов, который домохозяйства тратили на продовольствие. С 1991 по 1999 г. в Словакии он увеличился с 20,6 до 26,6 %. В Польше, наоборот, снизился с 50,5 до 31,2 %, а в Чехии – с 24,5 до 21,6 % [12, с. 254]. В результате Польша, Чехия и Словакия по этому показателю достигли уровня стран Западной Европы.

Последствием социалистической эпохи явился высокий удельный вес сельских жителей и трудоспособных занятых в сельском хозяйстве. В 1997–1998 гг. в Польше в сельской местности проживало 38,1 % населения и 22,8 % трудоспособных граждан, в Венгрии – 38,8 и 11,5 % соответственно [12, с. 199]. Болезненные реформы в селе привели к сложным демографическим процессам. Разрушение крупных государственных предприятий способствовало исчезновению многих социальных гарантий для селян и росту безработицы в этой среде.

Экономическая нестабильность привела к падению рождаемости и естественной убыли населения в государствах А8. Например, в Словакии рождаемость упала на 39 %, в Чехии – на 33 %¹⁰. Миграционные потоки не могли компенсировать сокращение численности населения. Раньше всех положительная динамика проявилась в Чехии, где в 2003 г. за счет притока иммигрантов увеличилась численность населения страны. С 2006 г. в Чехии отмечался естественный прирост населения. Однако миграция оставалась основным фактором, способствующим росту населения в стране, так как естественный прирост отличался нестабильностью, особенно в период кризиса. В 2013–2015 гг. естественный прирост населения оказался нулевым. В Польше этот показатель также отличался крайней нестабильностью. До 2006 г. смертность в стране превышала рождаемость, с 2006 г., наоборот, рождаемость превысила смертность, и такая ситуация продолжалась до 2013 г., после чего маятник качнулся в другую сторону [17, с. 83]. Снижению рождае-

¹⁰ Там же. С. 6.

мости в Польше способствовала как естественная убыль детородного населения, так и его эмиграция.

Все государства Центрально-Восточной Европы и Балтии столкнулись с негативными процессами в структуре населения. Так, в странах Балтии на момент распада СССР граждане старше 60 лет составляли в Литве 16 %, в Эстонии – 17 % и в Латвии – 14,7 %. Данный фактор компенсировался значительным количеством детей до 15 лет. В балтийских государствах он колебался в пределах 21–29 %. К 2015 г. люди старше 60 лет превышали количество детей в 1,6–1,7 раза. В Латвии, Эстонии и Литве шел процесс быстрого старения населения, что самым негативным образом сказалось на перспективах их развития. Количество граждан старше 65 лет с 1990 по 2015 г. в Литве увеличилось на 37 %, в Эстонии – на 36 % и в Латвии – на 22 % [9, с. 178]. Данный показатель еще сильнее был выражен в русскоязычной общине. Молодежь активно выезжала в Россию, ЕС и США. В результате титульная нация укрепила свои позиции в странах Балтии. В Литве удельный вес литовцев увеличился с 79,6 % в 1990 г. до 85 % в 2015 г., в Латвии – латышей с 52 до 61,8 %, в Эстонии – эстонцев с 61,5 до 68,8 % [9, с. 180].

Процент детей до 15 лет в Чехии в 2000 г. составлял 16,4 %, а в 2017 г. – 15,7 %, а процент граждан старше 65 лет увеличился с 13,8 до 19,0 %¹¹. Старению населения во всех государствах Центрально-Восточной Европы и Балтии, кроме эмиграции, падения рождаемости способствовал рост средней продолжительности жизни граждан.

Миграционный потенциал любого региона мира оценивался еще с точки зрения знания населением иностранных языков, не исключением в этом отношении были Центрально-Восточная Европа и Прибалтика. В государствах, граничивших с Россией, особенно в бывших советских республиках, где проживала значительная часть русскоязычного населения, большой популярностью

пользовался русский язык. На нем в 90-х гг. XX века говорило 83 % жителей Литвы, 59 % Латвии, 53 % Эстонии, 30 % Словакии, 28 % Польши и 21 % Чехии, меньше всего он получил распространение в Венгрии и Словении, где на нем могло разговаривать по 2 % жителей. Немецкий язык пользовался большим успехом у жителей Словении (38 %) и Чехии (27 %), затем шли Словакия (20 %), Польша (16 %), Латвия (14 %), в остальных государствах региона немецкоговорящие жители составляли около 13 %. Но Великобританию больше всего интересовали англоязычные жители региона. Больше всего их оказалось в Словении (56 %), Эстонии (29 %), Чехии (24 %), Латвии (23 %), Польше (21 %). Менее 20 % населения знало английский язык в Литве (20 %), Венгрии (14 %) и Словакии (13 %)¹². Для сравнения, на Мальте англоязычные жители составляли 84 %, на Кипре – 56 %.

С полным правом можно говорить, что миграция из стран Центрально-Восточной Европы и Балтии носила экономический характер. После крушения социализма и к моменту их вступления в ЕС они достигли больших результатов в построении гражданского общества. В 2001 г. среди польских иммигрантов британские исследователи проводили опрос по поводу политического развития Польши. Все респонденты отметили большие успехи страны в построении демократического общества, в продвижении к свободной рыночной экономике, высоко оценивая перспективы развития своей родины¹³.

При опросе иммигрантов основная их часть среди причин для въезда в Великобританию выделяла следующие факторы: желание найти хорошую работу; неудовлетворенность своей работой на родине; размер оплаты труда; уверенность в том, что работодатель может их уволить в любой момент; не-

¹¹ Czech Statistical office. URL: <https://www.czso.cz> (accessed: 03.09.2021).

¹² Dustmann C., Casanova M., Fertig M., Preston I., Schmidt C.M. The impact of EU enlargement on migration flows. L., 2003. P. 25. URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/14332/1/14332.pdf> (accessed: 03.08.2020).

¹³ Blanchflower D.G., Lawton H. The Impact of the Recent Expansion of the EU on the UK Labour Market... P. 4-5.

возможность обеспечить высокие стандарты личного потребления; неудовлетворенность жизнью на родине; высокий уровень безработицы и инфляции; плохие макроэкономические показатели.

Сведения об удовлетворенности своей жизнью населения разных стран на родине представлены в табл. 1¹⁴.

Данную статистику дополняет табл. 2, где идет речь об удовлетворенности экономическим положением в стране¹⁵.

В данной связи больше всего жителей стран Балтии волновала инфляция, в то время как в Польше и Словакии – безработица. В случае дальнейшего роста безработицы 20 % граждан Литвы, 19 % Латвии, 12 % Польши, 10 % Эстонии и 8 % Венгрии были готовы покинуть страну в поисках лучшей доли¹⁶. Показатели Литвы и Латвии представлены теми, кто изъявлял желание переехать в Великобританию.

На оценку качества жизни влияли такие показатели, как качество образования и здравоохранения, налоговая и пенсионная системы, преступность, терроризм и т. д. Удовлетворенность жизнью была присуща людям с высоким образованием, самозанятым, имеющим семью и голосующим за правые партии. Мужчины более пессимистичны в оценке ситуации, но с появлением в семье ребенка, как ни парадоксально, выглядят более оптимистичными.

Британские эксперты внимательно проанализировали различные социологические опросы в странах Центрально-Восточной Европы и Балтии с точки зрения выявления предпочтений у потенциальных иммигрантов, признавая большие погрешности в исследованиях такого рода. Они выделяли запрос на краткосрочную иммиграцию на несколько недель с целью заработать необходимую сумму денег и сразу вернуться на родину. Больше всего такого рода потенциальных

иммигрантов оказалось в Словакии – 56 %, и 47 % словаков допускали возможность отъезда на несколько месяцев. В Чехии данные показатели выглядели следующим образом – 49 и 44 %, в Польше – 46 и 37 %. На долгое время из страны решались иммигрировать жители Словакии – 27 %, Чехии – 24 %, и

Таблица 1

Показатели удовлетворенности в жизни населения разных стран ЕС в период с 2004 по 2007 г.

Table 1

Life satisfaction indicators of different European Union countries population in the period from 2004 to 2007

Страна	2004 г., в %	2007 г., в %
Чехия	17	22
Эстония	39	40
Венгрия	24	15
Латвия	31	34
Польша	35	30
Словакия	24	29
Словения	32	26
Литва	39	35

Таблица 2

Показатели удовлетворенности экономическим положением населения разных стран ЕС в период с 2004 по 2007 г.

Table 2

Satisfaction indicators with the economic situation of different European Union countries population in the period from 2004 to 2007

Страна	2004 г., в %	2007 г., в %
Чехия	9	18
Эстония	39	30
Венгрия	19	14
Латвия	26	21
Польша	26	33
Словакия	18	24
Словения	28	24
Литва	37	31

¹⁴ Blanchflower D.G., Lawton H. The Impact of the Recent Expansion of the EU on the UK Labour Market... P. 28.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. P. 11.

Венгрии – 20 %. Больше всего иммигрировать на постоянное место жительства желали 14 % поляков, 11 % словаков и 10 % чехов¹⁷.

Правительство Великобритании накануне вступления стран А10 (А8 + Мальта и Кипр) в ЕС попыталось оценить все риски и перспективы иммиграции граждан этих стран на территорию королевства. МВД заказало аналитической группе во главе с К. Дастманом подготовку соответствующего отчета, чтобы спрогнозировать возможные иммиграционные риски в связи с предстоящим расширением ЕС в 2004 г. Отчет примечателен тем, что он дает «британский взгляд» на страны А10 накануне их вступления в ЕС.

Среди жителей Центрально-Восточной Европы, желавших иммигрировать, эксперты группы К. Дастмана попытались выявить предпочтения по странам ЕС. Для сравнения, британскими экспертами брались также данные по США, которые традиционно являлись центром притяжения для иммиграции многих европейцев, включая британцев. Больше всего чехов на временную работу хотело уехать в Германию (38 %), и туда же на постоянное место жительства (5 %), в Австрию 26 и 6 %, Великобританию – 24 и 5 %, Францию – 14 и 6 %, Скандинавию – 17 и 10 %, привлекательными для чехов были США – 30 и 14 % соответственно. У венгров отмечалась примерно такая же пятерка лидеров среди членов ЕС: Германия 25 и 10 %, Австрия – 13 и 6 %, Великобритания – 3 и 2 %, Франция – 2 и 2 %, Скандинавия – 2 и 2 % и США – 5 и 7 %. У поляков данный показатель выглядел следующим образом: Германия 36 и 15 %, Австрия – 4 и 3 %, Великобритания – 6 и 7 %, Франция – 5 и 5 %, Скандинавия – 5 и 5 %, США – 10 и 20 %. Словаки для временной иммиграции (17 %) выбирали Германию, но туда они не были готовы уезжать на постоянное место жительства (0 %), показатели по Австрии выглядели так – 8 и 1 %, Великобритании – 4 и 0 %, Франции – 2 и 1 %, Скандинавии – 1 и 1 %, США – 6 и

10 %¹⁸. Особенностью словаков являлся выбор в качестве объекта для иммиграции Чехии – 5 и 2 %, а также Венгрии – 1 и 1 %. В первом случае сказывалась культурная близость чехов и словаков и желание части чехов, оказавшихся в Словакии после распада федерации, вернуться на историческую родину. Во втором случае – намерение словацких венгров выехать в Венгрию. Но вряд ли данные факторы покрывали полностью весь поток иммигрантов из Словакии в эти государства. Обращает на себя внимание тот момент, что в качестве выбора страны для временной трудовой иммиграции доминировали Германия и Австрия, а при выборе страны для постоянного места жительства – США. Второй момент, привлекающий внимание, – факт того, что большинство жителей Центрально-Восточной Европы предпочитало временную иммиграцию, а не переезд на постоянное место жительства.

Эксперты комиссии К. Дастмана подтверждали, что жителей стран Центрально-Восточной Европы и стран Балтии, прежде всего, к иммиграции подталкивало желание улучшить свое экономическое положение (около 45 % респондентов). Этот фактор четко проявлялся в Польше (61 %), Словакии (58 %), Чехии (48 %), Венгрии (45 %) и меньше всего в Словении (32 %), где экономика страны демонстрировала хорошие темпы развития, и где численность потенциальных иммигрантов оказалась самой низкой в регионе. Политический фактор в качестве причины для выезда больше всего указали в Словакии (51 %), для сравнения, в Венгрии он составлял 34 %, Польше – 29 %, Чехии – 25 %, Словении – 14 %¹⁹.

Среди причин, заставивших людей рассматривать иммиграцию как временное явление, следует отметить родственников и друзей, проживавших на родине. Поэтому подавляющее большинство иммигрантов рассчитывало со временем вернуться на родину в привычную среду обитания, но уже с улучшенным материальным положением. В

¹⁷ Dustmann C., Casanova M., Fertig M., Preston I., Schmidt C.M. The impact of EU enlargement on migration flows... P. 34.

¹⁸ Ibid. P. 36.

¹⁹ Ibid. P. 38.

Венгрии к такому повороту событий готовились 91 % потенциальных иммигрантов, в Чехии – 89 %, в Словении – 88 %, в Словакии – 67 % и Польше – 86 %²⁰. В пользу возврата иммигрантов на родину или замедления самого процесса иммиграции из стран Центрально-Восточной Европы и Балтии говорил факт постепенного снижения разрыва уровня жизни в сравнении с ведущими государствами Западной Европы.

Проводимые исследования показывали ограниченный потенциал для массовой иммиграции населения региона в Западную Европу. На примере Венгрии желание иммигрировать демонстрировало 11 % населения, причем понятно, что не все венгры в конечном итоге уехали бы из страны. Большую склонность к иммиграции проявляла молодежь, не имевшая семьи и получившая хорошее университетское образование, затем молодые люди, не окончившие высшие и специализированные учебные заведения, и третья группа – это безработные. С помощью различных математических моделей британские эксперты оценивали возможный поток жителей Центрально-Восточной Европы в Западную Европу и в США на постоянное место жительства в 1,11 миллиона человек, а в качестве временных иммигрантов – 2,22 миллиона человек²¹. Однако на практике

он оказался более значительным, в том числе в Великобританию.

ВЫВОДЫ

Сложившаяся после падения социализма сложная социально-экономическая ситуация в странах Центрально-Восточной Европы и Балтии создала естественные предпосылки для эмиграции населения региона в государства ЕС, в том числе в Великобританию. Разрыв в уровне жизни в государствах Центрально-Восточной Европы и Балтии в сравнении с государствами Западной Европы, безработица, низкий уровень заработной платы, невозможность реализовать свои профессиональные навыки заставляли людей покидать свою родину и уезжать в Великобританию. Политические причины в эмиграции не играли важной роли, отходя на второй план. Важным фактором, способствующим эмиграции граждан стран Центрально-Восточной Европы и Балтии, оказался довольно высокий уровень знания английского языка. Основную массу эмигрантов составляла молодежь, имеющая высшее образование. Большинство эмигрантов рассматривало свой отъезд в Великобританию как временное явление, рассчитывая через некоторое время вернуться на родину, заработав необходимые средства и получив профессиональные навыки.

²⁰ Dustmann C., Casanova M., Fertig M., Preston I., Schmidt C.M. The impact of EU enlargement on migration flows... P. 39.

²¹ Ibid. P. 40.

Список источников

1. Emmert F., Petrović S. The past, present, and future of EU enlargement // Fordham International Law Journal. 2014. Vol. 37. № 5. P. 1349-1419. <http://dx.doi.org/10.13140/2.1.4508.7364>
2. Jentsch B., de Lima P., MacDonald B. Migrant Workers in Rural Scotland: "Going to the Middle of Nowhere" // International Journal on Multicultural Societies. 2007. № 9. P. 35-53.
3. Четверикова А.С. Иммиграция в Чехию: притягательность растет // Современная Европа. 2015. № 3 (63). С. 49-57. <https://doi.org/10.15211/soveurope320154957>, <https://elibrary.ru/udwffqn>
4. Четверикова А.С. Страны Вишеградской группы и ЕС: экономические результаты // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 63-70. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-2-63-70>, <https://elibrary.ru/tyijno>
5. Кондратьева Т.С. Великобритания: Масштабы и особенности польской миграции после расширения ЕС в 2004 г. // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 4. С. 109-124. <https://elibrary.ru/talosh>

6. Шанишева Л.Н. К. Мюллер «Страны транзита»: пути развития восточноевропейской трансформации K. Müller “Countries in Transition”: Entwicklungsfade der Osteuropäischen Transformation // Osteuropa. Stuttgart, 2001. Н. 10. S. 1146-1167 // Восточная Европа в начале XXI века. М.: ИНИОН РАН, 2004. С. 12-26. <https://elibrary.ru/nxyymx>
7. Кудров В.М. Центральная и Восточная Европа: десять лет перемен // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 41-54.
8. Europe in Figures / ed.-in-chief G. Schäfer. Luxembourg, 2009. 567 p. <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/5708435/KS-CD-09-001-EN.PDF/fl6d286f-48bf-4e13-a4bb-c10b2b7832e0?version=1.0> (accessed: 03.08.2020).
9. Мартен М. Демографические процессы в странах Прибалтики в условиях глобализации // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. по материалам 3 Междунар. науч. конф. / под ред. Р.Б. Гагуа. Пинск: Полес. гос. ун-т, 2018. Вып. 3. С. 177-184. <https://elibrary.ru/zbvabn>
10. Межевич Н.М. Прибалтийская экономическая модель: некоторые уроки трансформаций 1990–2015 гг. // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 27-50. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-2>, <https://elibrary.ru/vcywsh>
11. Воронников В.В., Носатова А.Ю. Государства Балтии в ЕС (2004–2019): социальное измерение // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2019. № 1-2 (1-2). С. 59-73. <https://elibrary.ru/yvmlib>
12. Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века: в 3 т., в 2 ч. / отв. ред. С.П. Глинкина. М.: Наука, 2002. Т. 3. Ч. 1. 461 с. <https://elibrary.ru/vmpcyp>
13. Симонян Р. Экономика Литвы от советского до современного периода // Современная Европа. 2020. № 3 (96). С. 72-82. <https://doi.org/10.15211/soveurope320207282>, <https://elibrary.ru/zsfah7>
14. Габарта А.А. Социально-экономическая модель стран Центральной Европы // Современная Европа. 2017. № 7 (79). С. 104-113. <https://elibrary.ru/yudzow>
15. Литвиненко А., Зайцева Е. Социально-экономические проблемы Латвии на фоне стран-членов ЕС // Экономика. 2004. Т. 67. № 2. С. 145-153. <https://doi.org/10.15388/Ekon.2004.17389>
16. Воронников В.В. 25 лет независимости государств Балтии: из Советского в Европейский союз // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Т. 9. № 5. С. 7-23. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2016-9-5-7-23>, <https://elibrary.ru/xwllnt>
17. Дегусарова В.С., Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Демографическое развитие Польши за время ее членства в Евросоюзе // Известия Русского географического общества. 2015. Т. 147. № 1. С. 77-86. <https://elibrary.ru/tixder>

References

1. Emmert F., Petrović S. (2014). The past, present, and future of EU enlargement. *Fordham International Law Journal*, vol. 37, no. 5, pp. 1349-1419. <http://dx.doi.org/10.13140/2.1.4508.7364>
2. Jentsch B., de Lima P., MacDonald B. (2007). Migrant Workers in Rural Scotland: “Going to the Middle of Nowhere”. *International Journal on Multicultural Societies*, no. 9, pp. 35-53.
3. Chetverikova A.S. (2015). Immigration to the Czech Republic: the attractiveness is growing. *Sovremennaya Evropa = Contemporary Europe*, no. 3 (63), pp. 49-57. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope320154957>, <https://elibrary.ru/udwffqn>
4. Chetverikova A.S. (2020). The Visegrad countries in the EU: economic results. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, vol. 64, no. 2, pp. 63-70. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-2-63-70>, <https://elibrary.ru/tyijno>
5. Kondrat’eva T.S. (2014). Great Britain: Polish migration scale and specifics after the European Union enlargement of 2004. *Aktual’nye problemy Evropy = Current Problems of Europe*, no. 4, pp. 109-124. (In Russ.) <https://elibrary.ru/talosh>
6. Shanshieva L.N. (2004). K. Müller “Countries in Transition”: Entwicklungsfade der Osteuropäischen Transformation // Osteuropa. Stuttgart, 2001. Н. 10. S. 1146-1167. *Vostochnaya Evropa v nachale XXI veka* [Eastern Europe at the Beginning of the 21st Century]. Moscow, Institute for Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 12-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nxyymx>

7. Kudrov V.M. (2001). Tsentral'naya i Vostochnaya Evropa: desyat' let peremen [Central and Eastern Europe: ten years of change]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, no. 1, pp. 41-54. (In Russ.)
8. Schäfer G. (ed.-in-chief). (2009). *Europe in Figures*. Luxembourg, 567 p. <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/5708435/KS-CD-09-001-EN.PDF/fl6d286f-48bf-4e13-a4bb-c10b2b7832e0?version=1.0> (accessed: 03.08.2020).
9. Marten M. (2018). Demograficheskie protsessy v stranakh Pribaltiki v usloviyakh globalizatsii [Demographic processes in the Baltic States in the context of globalization]. In: Gagua R.B. (ed.). *Sbornik nauchnykh statei po materialam 3 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Gosudarstva Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v istoricheskoi perspective»* [Collection of Scientific Articles on the Materials of the 3rd International Scientific Conference "Central and Eastern European States in Historical Perspective"]. Pinsk, Polessky State University Publ., issue 3, pp. 177-184. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zbvabn>
10. Mezhevich N.M. (2015). The Baltic economic model: some results of the 1990–2015 transformations. *Baltiiskii region = Baltic Region*, no. 4 (26), pp. 27-50. (In Russ.) <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-2>, <https://elibrary.ru/vcywsh>
11. Vorotnikov V.V., Nosatova A.Yu. (2019). Baltic states in the EU (2004–2019): social dimension. *Vishegradskaya Evropa. Tsentral'noevropeiskii zhurnal = Visegrad Europe. Central European Journal*, no. 1-2 (1-2), pp. 59-73. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvmlib>
12. Glinkina S.P. (executive ed.). (2002). *Tsentral'no-Vostochnaya Evropa vo vtoroi polovine XX veka: v 3 t., v 2 ch.* [Central-Eastern Europe in the Second Half of the 20th Century: in 3 vols., in 2 pts]. Moscow, Nauka Publ., vol. 3, pt 1, 461 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vmpecyp>
13. Simonyan R. (2020). Lithuanian economy from the Soviet to the new period. *Sovremennaya Evropa = Contemporary Europe*, no. 3 (96), pp. 72-82. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope320207282>, <https://elibrary.ru/zsfahf>
14. Gabarta A.A. (2017). Sotsial'no-ekonomicheskaya model' stran Tsentral'noi Evropy [Socio-economic model of Central European countries]. *Sovremennaya Evropa = Contemporary Europe*, no. 7 (79), pp. 104-113. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yudzow>
15. Litvinenko A., Zaitseva E. (2004). Social-economic problems in Latvia in the context of the members of Europe Union. *Ekonomika*, vol. 67, no. 2, pp. 145-153. (In Russ.) <https://doi.org/10.15388/Ekon.2004.17389>
16. Vorotnikov V.V. (2016). 25 years of the Baltic states independence: from the Soviet to the European Union. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo = Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 9, no. 5, pp. 7-23. (In Russ.) <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2016-9-5-7-23>, <https://elibrary.ru/xwllnt>
17. Degusarova V.S., Martynov V.L., Sazonova I.E. (2015). Demographic development of Poland during its membership in the European Union. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva = Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 147, no. 1, pp. 77-86. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tixder>

Информация об авторе

Бобешко Артем Владимирович, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Пермский институт Федеральной службы исполнения и наказаний, г. Пермь, Российская Федерация; научный сотрудник кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-7433-3359>
artem.bobeshko@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.07.2023
Одобрена после рецензирования 07.09.2023
Принята к публикации 08.09.2023

Information about the author

Artem V. Bobeshko, Lecturer of State and Legal Disciplines Department, The Perm Institute of the FPS of Russia, Perm, Russian Federation; Research Scholar of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-7433-3359>
artem.bobeshko@yandex.ru

Received 13.07.2023
Approved 07.09.2023
Accepted 08.09.2023